

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Датская сказка " Ханс-силач "

Жили-были муж с женою, и родился у них сынок. А муж слышал, будто дети, какие дольше других материнскую грудь сосут, на диво сильные вырастают, и велел он жене, чтобы десять полных лет мальчонку своим молоком кормил. Вот прошло десять лет, повел он сына в лес испытать, много ль у него силы. Указал он ему дерево и говорит:

— А ну, Ханс, попробуй–ка, сможешь ли его с корнями выдернуть.

Ухватил Ханс дерево руками, рванул что было мочи, затряслось оно от подножия до макушки, а все ж в земле устояло. Отвел его отец обратно домой и наказал жене еще десять лет сына своим молоком кормить. Как прошло еще десять лет, отец опять его в лес повел, и на этот раз Ханс играючи дерево из земли выворотил. Обрадовался отец, ну, думает, сын довольно силушки набрался, добрый помощник в хозяйстве будет. Да вот незадача: как увидели работники в усадьбе, какой у хозяина сынок, чуть все не разбежались. Легко ли, примется он жать колосья так далеко откидывает, что их иной раз вовсе не сыщешь, и таков он был во всякой работе. Вот однажды отец ему и говорит:

— Нет, Ханс, так дело у нас не пойдет, бесподручно мне дома тебя держать. Походи–ка ты, сын, по белу свету да поищи себе службу в таком месте, где простору побольше и люди живут поразмашистей, чем мы, мелкота.

И отправился Ханс по белу свету, службу себе искать. Вот пришел он в одно селение, люди ему присоветовали к пастору наведаться, у него работник недавно ушел, так место, верно, найдется, одно худо — пастор у них изрядный скупердяй. Ну, Ханс на это не посмотрел, пусть его скупердяй. Пришел он в пасторскую усадьбу и приселся в работники, ему, мол, и жалованья никакого не надо: как год пройдет, он хозяину три затрещины даст — вот и вся плата. Пастор–то услышал, что все его денежки при нем останутся, тотчас и согласился его нанять.

В первый день велели Хансу воды и дров в кухню наносить. Да ведра ему чересчур малы показались, что от них проку, взял он два большущих бродильных чана и стал в них воду носить, а дрова таскал по целой поленище зараз. Увидала это девушка–служанка, с перепугу к пастору побегала: дескать, новый–то работник, верно, не в себе, вон как чудно с делами управляется. Пастора тоже оторопь взяла, он сразу про плату вспомнил, какую работник с него через год спросит.

— Ладно, погоди,— говорит он служанке,— я вот его в лес пошлю, там нечисть кишмя кишит, живым ему оттуда не выбраться — мы от него и отделаемся.

Позвал он Ханса и приказывает:

— Завтра в лес за дровами поедешь.

— Слушаюсь, хозяин! — Ханс отвечает.

На другой день встал он спозаранку, запряг лошадей и на подводе в лес отправился. Повалил он дерево, разрубил и стал на подводу грузить, а тем временем бесенят откуда–то повывлезало видимо–невидимо, так вокруг и вьются, проходу не дают. Ханс, однако ж, не робел, ухватил рослое дерево с ветвистою макушкой и выдрал его с корнями из земли, а потом стал в руках его ворочать и бесенят, точно метлею, в стороны расшвыривать. Разделался он с ними, взвалил дерево на подводу и домой собрался. А воз–то чересчур тяжелый вышел, лошади с места его не стронуть; Ханс, делать нечего, выпряг лошадей, поставил их сверху на воз, а сам в подводу впрыгся с домой ее потащил. Ох и перетрусил пастор, глядит и глазам своим не верит: работник невредим из лесу шагает да еще подводу с дровами и лошадьми везет. И надумал пастор новую штуку, чтобы от работника отделаться. Позвал он Ханса и говорит:

— У него–де с нечистым договор заключен, так надо в преисподнюю сходить, бумагу у черта вызволить. Коль исполнит Ханс его поручение, получит в награду полный воз денег. А про себя он так рассудил: "Кто в преисподнюю попадет, тому обратно пути нету".

Ханс все сделал, как хозяин велел: пришел в преисподнюю и спрашивает у черта пасторову бумагу. А черт приволок тяжеленный железный обод и говорит:

— Давай сперва силою померяемся, подкинешь этот обод выше меня — отдам тебе бумагу, а нет — оставляю ее у себя, и тогда тебе из преисподней не выйти.

Вот черт первый взял обод и подбросил его так высоко, что он с глаз скрылся и не скоро обратно упал. Настал черед Хансу обод подбрасывать, а он уж смекнул, что слаб в этой забаве с чертом тягаться, однако виду не подал. Ухватил он покрепче обод, ноги пошире раскорячил, будто изогнулся вверх его подкинул, а сам не кидает: стоит, обод в руках вертит, точно о чем–то раздумывает.

— Чего не бросаешь,— черт его спрашивает,— о чем думаешь?

А Ханс в ответ:

— Да вот, соображаю, на самый верх его, что ль, закинуть, чтоб он до старца долетел, знаешь, что на троне–то там сидит? Да только тогда не видать тебе больше твоего обода.

— Нет, нет, погоди! Не кидай! — кричит черт.— Лучше уж я тебе так бумагу отдам.

Взял Ханс бумагу и пошел с нею к скупердяю пастору, а тот как работника увидел, так и обмер. Жалко ему было с деньгами расставаться, да куда-то денешься, пришлось полный воз нагрузить, на том Ханс с ним и распростился.

Едет он по дороге, видит, кузня стоит, зашел он к кузнецу и спрашивает, не скует ли он ему посошок. А тот отвечает:

— Нет, не скую. Я кузнец, не с руки мне этакую мелочь работать.

— Для чего же мелочь? — говорит Ханс.— Мне такой посошок надобен, чтобы в нем было никак не меньше десяти пудов железа, да еще в набалдашнике пуда два.

— Ого,— подивился кузнец,— столько железа у меня сроду не бывало.

— Не беда,— говорит Ханс. Взял он с воза пригоршню монет и дает кузнецу.— На вот тебе деньги на железо, а я через неделю за посохом приду.

Воротился Ханс домой, отец, как сына увидел, обрадовался, а денег воз увидел — тоже не больно затужил. Ханс все деньги отцу отдал, сам он до них небольшой был охотник. Отец–то думал, сын теперь в родном доме поживет, никаких забот знать не будет, да Ханс по–иному решил. Как прошла неделя, протился он с отцом, взял у кузнеца свой посох и отправился опять странствовать по свету.

Шел он, шел и дошел до моста, а возле моста человек стоит, камни обтесывает: раз ударит — глыбу с мельничный жернов надвое расколет. "Ай да мужик!" — думает Ханс. Подходит он к нему и спрашивает:

— Неволья тебе стоять тут, камни тесать?

— Да ведь каким–никаким трудом хлеб добывать надо,— отвечает тот.

— Незавидная у тебя работенка,— говорит Ханс,— ступай–ка ты лучше со мною, не пожалеешь.

Что ж, каменотес с охотой согласился, жены да детей у него не было, он и пошел с Хансом.

Шли они, шли и дошли до леса, смотрят, стоит человек, дрова рубит: раз ударит — здоровенное бревно надвое расколет. "Вот так мужик!" — думает Ханс. Подходит он к нему и спрашивает, что ему за неволя стоять тут, с дровами маяться.

— Да ведь какое–никакое дело надо же делать,— отвечает дровосек.

— Никудышная у тебя работенка,— говорит Ханс,— ступай–ка ты лучше со мною, не пожалеешь.— И отправились они дальше втроем.

Долго они шли, пока не пришли в густой–прегустой лес, а в самой чащебе замок стоит распрекрасный.

— Ну и красота! — говорит Ханс.—Давайте поглядим, кто здесь живет.

Вошли они в замок, а там залы — одна другой богаче, и все пустехоньки, ни живой души. А в одной зале стены снизу доверху оружием увешаны. Ханс и говорит:

— Давайте–ка возьмем себе по ружью да пойдем в лес, дичи набьем, чтоб было чем подкрепиться, а то, похоже, не от кого нам угощенья ждать.

Взяли они каждый по ружью и пошли на охоту, а как настреляли довольно дичи, уговорились, что дровосек дома останется обед готовить, а двое других опять на промысел пойдут. Вот остался дровосек дома, похлебки наварил, жаркого нажарил, расстарался, чтоб все у него было готово к приходу Ханса и каменотеса. Вдруг откуда ни возьмись входит в комнату старуха: увидала она наготовленную снедь и говорит дровосеку:

— Дай уж и мне маленько поесть.

— Ешь на здоровье,— говорит дровосек.

Налил он ей похлебки, жаркого наложил, она все и съела. А как кончила есть, подхватила свою клюку и ну колотить дровосека. Поначалу он отбивался, да старуха сильнее была и до тех пор его дубасила, пока он назем не свалился, ни рукой, ни ногой шевельнуть не может. Приподняла старуха люк в полу и спихнула дровосека в подполье.

Воротились двое других домой, глядят, обед им приготовлен, а дровосека нигде не видать. Они подумали: верно, тоска его взяла, он и сбежал. Поели они, попили и спать улеглись. На другой день каменотесу выпало дома оставаться да обед готовить, а Ханс опять в лес пошел. Ну и с каменотесом точь–в–точь то же приключилось, что и с дровосеком. Ханс домой воротился, смотрит, обед приготовлен, а каменотеса нет как нет. "Хороши товарищи, нечего сказать",— подумал Ханс. Назавтра пришлось ему самому и дичь промышлять, и обед готовить. Только он кончил стряпать, входит в комнату старуха и просит поесть. Что же, Хансу не жалко, сели они вместе за стол и стали угощаться, а как поели, накинудась старуха на Ханса и давай его бить клюкой. Ханс, однако ж, не зазевался: схватил железный посошок и тоже принялся что было мочи ее колотить. Скоро стал он примечать: как старуха его ударит, у него на теле рана остается, а он, понятно, тоже старуху ранит, да вот в чем штука: у нее под передником посудинка припрятана с целебной мазью, она ранку себе помажет — у нее тут же все и заживает. Коли дело дальше так пойдет, думает Ханс, убьет его старуха. Бросился он на нее, изловчился и выхватил посудинку с мазью, потом как огрел ее разок–другой железным посохом — она и повалилась, пощады запросила. А Ханс ей: мол, пока не скажешь, куда товарищи мои подевались, ничем бить не перестану. Пришлось старухе сознаться и западню ему указать. Открыл он подполье и вытащил оттуда дровосека с каменотесом — оба избиты и в кровь изранены, еле–еле живы. Взял он старухину мазь, смазал им раны, у них тотчас все зажило. А ведьмы меж тем и след простыл.

Сели они все трое за стол, подкрепились, Ханс и говорит:

— Пошли–ка осмотрим получше весь замок, тут, должно быть, такое есть, о чем мы с вами не знаем и ведаť не ведаем.

Начали они обходить все залы одну за другой и под конец nabрили на дыру в полу, а под нею — глубоченная яма, точно пропасть.

— Надо поглядеть, что там внизу,— говорит Ханс. Отыскали они веревку подлинней, привязали к ней крепкую корзину и порешили в согласии, что первым дровосека вниз спустят, за ним каменотеса, а потом Ханс их обратно подымет и они расскажут, что видели. Спустились дровосек с каменотесом в подземелье, походили туда–сюда и наткнулись на дверь. Отворили они дверь, смотрят, сидят две принцессы, одна другой краше. Увидали они чужих людей и кричат: уходите, мол, отсюда подобрау–поздорову, пока ведьмы нет, попадете ей в лапы — пропали вы тогда. Напугались они да бегом к корзине и Хансу знак подают, чтоб живой наверх их вытягивал. Поднял он их, они и рассказали, что в подземелье видели.

— А ну, спустите–ка теперь меня,— говорит им Ханс.

Спустился он, отыскал дверь и вошел в комнату к принцессам. А ведьма тем временем воротиться успела, однако Ханс и бровью не повел, схватил он железный посох и ну ее колотить — до тех пор бил, пока не отпустила она с ним обеих принцесс. Отвел Ханс принцесс к корзине, и поднялись они наверх, сперва одна, а за нею и другая. А как обе принцессы наверх поднялись, сговорились тут каменотес с дровосеком Ханса внизу, в подземелье, оставить: коли он наверх выберется, одна–то принцесса ему отойдет, а из них кто–нибудь с носом останется. Вот спустили они вниз корзину, потом стали наверх ее тянуть, а корзина тяжелая, они и подумали, что Ханс в ней сидит, до половины подняли и веревку перерезали — корзина–то вниз и бухнулась. Да только вышла у них оплошка: Ханс в корзину лишь посох положил, и теперь он к ногам его свалился. Смекнул он тут, что да как. "Эге,— думает,— этим путем наверх мне не выбраться". И стал он по подземелью ходить, вокруг себя смотреть, не увидит ли чего нового. Ходил–ходил и набрел на толстую железную решетку — за решеткою третья принцесса сидит, у тролля в голове ищет, а тролль не простой, о семи головах, разлегся и спит. Ханс подошел да как стукнет посохом по железным воротам — ворота настезь, а тролль разом от сна очнулся. Ханс, однако ж, не зевал: подскочил к нему и одним махом все семь голов отрубил. Потом взял он принцессу за руку и повел ее за собою, а она с радостью за ним пошла. Разыскали они ведьму, и принялся Ханс ее дубасить железным посохом, до тех пор не отстал, пока она не пообещала его с принцессою наверх доставить. Принцесса тотчас домой попросилась, к отцу с матерью, пришлось ведьме и ее желание исполнить. Ханс с нею ехать не захотел, и подарила ему принцесса на прощание две золотые вещицы: одна — как половинка солнца, другая — как половинка месяца.

Отправился Ханс опять по свету странствовать. Вот прошло сколько–то времени, прослышал он, что в одном городе король богатую награду обещал, коль найдется искусник, золотых дел мастер, чтобы выделать ему из золота половинку солнца и половинку месяца. Пришел Ханс к золотых дел мастеру и попросился в подмастерья: я, говорит, безо всякого труда выделаю из золота половинку солнца и половинку месяца, мастер может хоть сейчас к королю пойти и сказать, что берется за эту работу — через три дня все будет готово. Старый мастер поверил ему и стал ждать обещанного. Хансу пора бы за работу приняться, а он и в ус не дует, день–деньской по городу гуляет, а вечером домой идет, песни поет. Золотых дел мастер сокрушается, жене своей жалуется: не иначе, плут ему попался заместо подмастерья, посмеяться хочет над стариком. Однако утром последнего дня услышал он стук и грохот в мастерской, да такой, что хоть уши затыкай.

— Никак он и вправду за дело взялся,— говорит мастер,— пойти разве поглядеть, что он там нарабатол.

Пришел он в мастерскую, а Ханс стоит и железным посохом со всего размаху об пол бьет — аж искры летят и –вся мастерская как огнем полыхает.

— Ты что же делаешь? — спрашивает мастер, ни жив ни мертв.

— Да вот, все у меня готово,— Ханс отвечает,— мастеру самое время во дворец идти, половинку солнца да половинку месяца нести!

— Нет уж, благодарствуй,— говорит золотых дел мастер,— я из–за тебя страха натерпелся довольно, иди–ка ты лучше сам.

— Ну, сам так сам,— говорит Ханс.

Пришел он во дворец и как сказал, что принес половинку солнца и половинку месяца, так его тот–час к королю проводили, а король же за столом сидел, и с ним королева и три дочери — те самые принцессы, что пленницами были в замке тролля о семи головах. Да принцесс Ханс уж потом приметил, а как вошел он в королевские покои, увидел перво–наперво своих друзей, дровосека с каменотесом, они тоже за столом сидели, оба в большие люди выбились, каждый принцессу в жены взял. Показал Ханс золотые вещицы, что принцесса ему на прощание подарила, увидела их третья принцесса, из них из всех самая раскрасавица, и признала она тут своего избавителя и рассказала обо всем королю с королевой. А еще сказала, что только за Ханса замуж пойдет, другой–де ей никто не люб. Ну, король дал свое согласие, и справили они пышную свадьбу, весь двор королевский гулял да пировал. И остались Ханс с принцессою жить во дворце, а может, и по сей день там живут.